Софья ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР

СОВЕСТЬ

ХУДОЖНИКА

Я хочу продолжить большой и серьезный разговор о великом, жизненно важном значении традиций в развитии искусства, который начался газетой публикацией статьи одного из моих товарищей по искусству, актера и режиссера Художественного театра Василия Александровича Орлова. Могущество самого талантливого художника сцены начинается с драматургии. Вероятно, поэтому — нет, только поэтому! — мы так упрямо возвращаемся к докучливому разговору о художественной полноценности современных пьес, которых мы, к сожалению, больше ждем, чем получаем. С годами все чаще задумываешься, отчего же все-таки сплошь и рядом приходится встречаться с драматургическим материалом, который дает возможность жить рядом с образом, но не в образе? От-

чего приходится уподобляться певцу, поющему около ноты? Не претендуя на исчерпывающий анализ причин, позволю себе поделиться некоторыми мыслями по этому поводу.

На мою актерскую долю выпало счастье встречаться с женскими образами «большого дыхания», среди которых было немало ролей из русского и зарубежного классического репертуара, современных пьес. Если внимательно всмотреться в свою актерскую лабораторию, нетрудно увидеть, что за лучшими образами, с которыми мне пришлось встретиться, за любимой и глубоко почитаемой мною героиней спектакля и фильма «Семья» Марией Александровной Ульяновой, матерью в спектакле «Дым отечества», последней моей ролью, стоят их предшественницы, реальные женщины России или подобные им образы в

литературе. Смее утверждать, что никакой характер современника не мог и не может возникнуть без ощущения тесной внутренней связи драматурга, режиссера, актера с теми чертами, которые наследует этот характер у веков. Вот почему всякое искусственное «осовременивание» классических произведений — путь ложный, чуждый художественной культуре любого народа. Этот путь уводит нас от самих себя в мир надуманный, эклектичный, ничем не обогащающий человека сегодня.

Мы, актеры, возвращаемся к образам прошлого не для того, чтобы насильственным путем перетащить их в наш мир. С позиций сегодняшних достижений человека мы хотим оценить былое и завтрашний день. Это желание прогрессивное. Классическое произведение тем и сильно,

что способно жить во времени. Недавно я поставила тургеневскую «Провинциалку» на телевидении. Эта пьеса видна мной не раз в исполнении К. С. Станиславского и М. П. Лилиной в великолепной постановке раннего Художественного театра. Но не могла следовать своим впечатлениям, потому что сегодня меня смешат, возмущают, заставляют задуматься уже не те вопросы, которые были главными и для артистов, и для зрителей времен первой мхатовской постановки. Однако, находя в пьесе то, что интересно и важно для зрителей сегодня, я делала это, только оставаясь верной замыслу писателя.

Но вернемся к театру и кино. Вернемся к близким мне образам русских женщин. Разве не родит их что-то главное с древней Ярославной, ко-

торая оплакивает и возможную гибель мужа, и тех воинов князя Игоря, что пали на поле сражения? Разве горьковская Пелагея Власова не надедена тем же удивительным даром распределять свою любовь среди многих людей? Я знаю, что почти все характеры русских женщин, которых я играла, родственны Ярославне. Родственны ей и те, кто сумел возвести свою любовь в самую высокую степень служения общественному благу — науке, революции и защите Советской Родины: Софья Ковалевская и Софья Перовская, Надежда Крупская и Мария Ульянова, Инесса Арманд и Александра Коллонтай, наши современницы — героини Великой Отечественной войны, ученые, строители социализма.

Приходится лишь горько сожалеть о том, что часть нашей критики, утратив творческое

чувство развития традиций, забывает о последовательном, историческом методе анализа пьес и спектаклей, сценариев и фильмов, тем самым ориентируя драматургов, режиссеров и актеров на некие «шапты» облика современника. Пренебрегая традициями, они вольно или невольно пытаются оторвать нас от истоков, которые принесли славу русскому театру и нашему кино, поставили их на почетное место в мировой культуре.

Женский характер почему-то очень мало занимает наших драматургов и режиссеров. А ведь духовная жизнь женщины украшает лучшие произведения мировой литературы, как украшает она действительность. В большинстве пьес последних лет женщине отводятся почти служебные функции, и разве что ранняя, молодая любовь еще имеет право на

4 ННВ 1968

СОВЕТСКИЙ ПРОСВЕЩЕНИЕ
Г. Москва

Г. Москва

СОВЕТСКИЙ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Г. Москва

внимание драматурга. Отчего же так? Не оттого ли, что утрачено где-то ощущение традиции? Почему мы в самом деле никогда не задумываемся всерьез над причинами стойкого успеха «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, над причинами долгожительства образа женщины Комиссара? Обратите внимание на то, как французы берегут память о своей национальной героине Жанне д'Арк, как отдает ей художественную дань каждое поколение писателей, артистов, мастеров живописи и скульптуры. Но разве наша история не богаче подобными образами?..

Я приветствовала бы в нашей сценической Лениниане пьесу, достойную удивительно характера Марии Ильиничны Ульяновой. Вся ее судьба глубоко драматургична. Я вспоминаю один из эпизодов

ленинской биографии, в котором мне видится «ключ», или, как говорят в театре, «зерно» образа Марии Ильиничны.

Было так. Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной Крупской, Марией Ильиничной и приемным сыном своей старшей сестры мальчиком Горой Лозгачевым ехал в машине. На дорогах Подмоскovie в то время было неспокойно... Внезапно перед автомобилем возникли фигуры вооруженных людей. Шофер Сигизмунд Гиль расстегнул кобурку револьвера, но Ленин остановил его. Он был спокоен, уверен в силе своего воздействия на разум даже очень заблудившегося человека. К счастью, оказалось, что вооруженные люди на дороге — рабочий патруль, который охранял спокойствие столицы. И вот, когда недоразумение разъяснилось, Гора заметил,

что Мария Ильинична незаметно опустила в редикюль маленький револьвер. Эта замечательная женщина с оружием в руках готова была защищать жизнь Ильича!.. Здесь ли не драматургия? Это ли не тема для пьесы или киносценария о выдающемся женском характере? Важно лишь не просто иллюстрировать пьесу эпизодами из биографии героини, но создать ее образ в развитии, открыть нам причины ее поступков, показать логику ее прихода в революцию.

Революция и полувекковая история Советской страны питают современную драматургию неисчерпаемой тематикой и образами невиданной художественной силы. Как же жалко, однообразно выглядят в сравнении с ними персонажи, декларирующие свою принадлежность к современности лишь на словах! И

как трудно вырасти актеру на таком материале. Я не боюсь показаться кому-то банальной, решительно повторив старую, но каждый день утверждаемую жизнью истину: только большие цели создают больших художников. И не просто мысль о постоянном, чутком, партийном служении народу, а убеждение в необходимости этого служения — вот что такое прочная основа каждого большого свершения в искусстве. Постараюсь пояснить это на примере.

В минувшем году в газете «Вечерняя Москва» прошла дискуссия по статье «Где вы сейчас, Варвара Петровна?» Автор, ставя проблемы судьбы актера в кино, в частности сообщал, что одна из ведущих актрис нашего театра и кинематографа — Вера Марецкая подчас отказывается от участия в съемках, даже если роль в

сценарии написана непосредственно для нее. Мне рассказывали, что среди многих откликов на статью было обнаружено письмо, в котором Марецкую упрекали чуть ли не в зазнайстве, капризности, или, как выражались авторы письма, в «перебирании ролей». А я понимаю актрису. Больше того, я солидарна с ней. Знаю, например, что и Серафима Бирман, хоть и не была никогда баловнем экрана, не раз находила в себе мужество отказываться от слабых, поверхностных ролей. Дело здесь не в капризности — в совети художника. Пусть и перед молодыми в минуту слабости возникают героини лучших наших фильмов и спектаклей. Ведь это они, сыгранные когда-то и заслужившие народную любовь, запрещают нам сейчас идти на компромиссы. Можно ли упрекнуть Веру

Петровну Марецкую в том, что не хочет, не может она изменить героине фильма «Член правительства», простой русской женщине Александре Соколовой, или учительнице Варваре Петровне, или даже юной Машеньке.

Они-то, наши героини, и подсказывают нам мысль о том, что путь к созданию глубоких драматических произведений начинается с четкого понимания автором места каждого персонажа в общественной жизни. Мне кажется, молодежь должна обижаться на театральных писателей за то, что они выдают за «современников» однообразно проницательных и скучающих молодых людей.

Заметьте, в драматургии театра и кино сегодня почти не отражается духовный мир советской женщины среднего возраста, активного, созидательного

возраста — истинных современниц наших, тружениц и воспитательниц. А зрители ждут этой встречи, и по многим попыткам ее устроить мы знаем, как дорог зрителям такой образ.

Черпать идейно-художественную силу в образах народных, в истории и сегодняшнем дне борьбы за действительно большие цели — вот что подсказывает нам совесть художника. И я позволю себе надеяться на то, что наша драматургия, достойно встречая 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, поведает нам о событиях и людях, равновеликих эпохе, в которую нам с вами дано жить. Я хочу верить в то, что ленинский охват явлений современности в их взаимосвязи, в подлинных их масштабах мы увидим в пьесах и сценариях, созданных накануне великого юбилея.